

Есть водка. Нужен рояль.

Посвящаю этот материал особенно ностальгирующим по сталинизму...

Она родилась в Париже. Отец — француз, известный математик, профессор Сорбонны. Мать — испанка, филолог.

Ее воспитанием занимались мать и четыре гувернантки. Англичанка, которую она не любила за высокие требования по гимнастике. Немка учила немецкому языку, и потом Вера любила читать по-немецки. Француженка преподавала хорошие манеры, светские привычки. И еще была гувернантка, ответственная за ее наряды.

С четырех лет Веру обучали музыке. Педагогом был великий французский пианист Альфред Корто.

В четырнадцать она играет с самым знаменитым в мире оркестром под управлением Артуро Тосканини. От ее исполнения Бетховена приходит в восторг Ромен Роллан. В те же четырнадцать начала

концертировать, объездила всю Европу и Америку. В пятнадцать закончила Парижскую консерваторию и поступила в Венскую академию музыки.

В ее распоряжении лучшие концертные залы Европы. После гастролей в Америке самая крутая фирма в мире — «Стейнвей» — предложила Вере Лотар играть на своих роялях и доставляет инструмент на любой концерт, даже в малодоступные горные районы Швейцарии. А в знак благодарности за согласие и рекламу «Стейнвей» дарит ей свои рояли. Это поистине царские подарки.

Кстати, у Ярослава Кирилловича Голованова я прочла: «...качество роялей «Стейнвей» зависит от травы, где паслись овцы, из шерсти которых сделан фетр на ударяющих по струнам молоточках».

Ну значит, европейское и американское турне... успех, успех, успех... она молода, красива, богата, счастлива... влюбленные молодые люди...

Она выбрала не совсем молодого, совсем не богатого. Выбрала нерасчетливо, безрассудно, просто потому что полюбила. Как скажет потом ее друг, режиссер Владимир Мотыль: пошла за чувствами.

Отец ее имел тягу ко всему русскому. Он и детям своим дал русские имена — дочь назвал Верой, сына — Дмитрием. И ввел ее в круг своих друзей. Там она и встретила будущего мужа — Владимира Яковлевича Шевченко, инженера-акустика, создателя смычковых инструментов, «русского Страдивари».

Его отец эмигрировал из России после революции 1905 года. Володя был тогда подростком. А в 1917-м

отец вернулся на родину. Сына же оставил в Париже продолжать образование.

Владимир Яковлевич мечтал вернуться в свою страну.

И вот наконец добился разрешения вернуться. И приехали они с Верой в Ленинград, о господи, в 1937 году. Он, она и двое его сыновей от первого брака.

Поселили их в крохотную комнату в общежитии, работы не было, жить не на что. Он подрабатывал где мог. Она продавала свои парижские платья.

По законам того страшного времени все отнеслись к ним очень подозрительно.

Впрочем, нет, не все. Заступничество великой пианистки Марии Вениаминовны Юдиной позволило Вере Лотар-Шевченко получить «соответствующую исполнительскую категорию» и начать работать в Ленинградской государственной филармонии.

В 1941 году, перед войной, Владимира Яковлевича Шевченко арестовали.

Со всей своей французской отвагой и темпераментом, в котором бурлила мамина испанская кровь, Вера кинулась в НКВД и стала кричать, путая русские слова и французские, что муж ее — замечательный честный человек, патриот, а если они этого не понимают, то они — дураки, идиоты, фашисты и берите тогда и меня...

Они и взяли. По статье «сто шестнадцать пополам».

И будет Вера Лотар-Шевченко тринадцать лет валить лес. В Тавде Свердловской области.

Узнает о смерти мужа в лагере и детей в блокадном Ленинграде. Не сразу узнает.

Многие годы пишет мужу в никуда. Строчка из одного ее письма мужу — из лагеря в лагерь: «Мы еще будем жить настоящей жизнью».

Сволочи! Знали же — был еще тот учет и контроль! — что нет ее мужа в живых.

Первые два года в лагере умирала. А потом сказала себе: раз не умерла, значит, надо жить. Следовала завету Бетховена всем страждущим: *Stirb oder Auf!* Умри или Будь!

* * *

Освободилась в Нижнем Тагиле. И прямо с вокзала в драной лагерной телогрейке из последних сил бежала поздним вечером в музыкальную школу, дико стучала в двери, умоляя о «разрешении подойти к роялю»... чтобы... чтобы «играть концерт»...

Ей разрешили. И тут она первый и последний раз в жизни испытала страх. Никак не могла решиться дотронуться до клавишей.

Пальцы пианиста деревенеют, если он не играет даже один день. А она тринадцать лет не прикасалась к роялю.

Ей казалось: вот Шопена сможет играть, а Баха не сможет... смогла и Шопена, и Баха... а вот Бетховена не сможет... смогла и Бетховена...

У закрытой двери, не смея зайти, рыдали навзрыд педагоги. Было же понятно, откуда она прибежала в драной телогрейке.

Играла почти всю ночь. И заснула за инструментом. Потом, смеясь, рассказывала: «А проснулась я уже преподавателем той школы».

Директор музшколы — Мария Николаевна Машкова — была первым человеком, кто пригрел и приютил ее в Нижнем Тагиле. Взяла на работу иллюстратором, поселила прямо в школе. Вера Августовна играла детям любую классику, о которой на уроке говорил педагог. Счастливые те дети! Кого слушали...

На первую свою зарплату возьмет напрокат кабинетный рояль. На вторую: сошьет себе черное концертное платье в пол. Явно для филармонических стен, хотя до них было ох как далеко.

А потом, скопив денег, купит шубу. После лагерной или с чужого плеча одежды — это ж такое женское счастье идти по снежному Тагилу в новой теплой элегантной шубке.

И вот как-то поздним вечером догоняют ее два бандита, нож к горлу и говорят: «Раздевайся! Гони шубу!» «Чего?! — вместо того чтобы испугаться, впала во гнев Вера Августовна. — Это моя первая одежда после лагеря!» Бандиты растерялись: «А ты где сидела? Кто был начальником?» Разговорились, нашли общих знакомых. Потом они галантно проводили ее домой и сказали: «Извини, не знали. Ходи в своей шубе спокойно. Больше тебя в этом городе никто не тронет!»

А когда через несколько лет перед первым ее концертом в Уральской консерватории ведущая заглянет в примерку, чтобы проверить, прилично ли выглядит Лотар-Шевченко, и, удивленно-одобрительно оценив то самое черное в пол платье,

удалится — Вера Августовна скажет, улыбаясь: «Она думает, я из Тагила. Она забыла, что я из Парижа». Кстати, о Париже. Ее звали туда вернуться. Там оставались родственники. Но она неизменно отказывалась. Объясняла: «Это было бы предательством по отношению к тем русским женщинам, которые поддерживали меня в самые трудные годы в сталинских лагерях».

В 1957 году ее нашел старший сын Владимира Шевченко Денис. Он выжил в блокадном Ленинграде. Потом ушел на войну. После войны продолжил дело отца — стал мастером-акустиком, создателем смычковых инструментов. И тоже был очень талантлив — получил Большую золотую медаль Международного конкурса альтов в Италии.

В 1965 году о Вере Лотар-Шевченко рассказал в «Комсомольской правде» Симон Соловейчик. А позже много писал о Вере Августовне мой друг и коллега Юрий Данилин, который в те годы был собкором «Комсомолки» по Западной Сибири.

Последние шестнадцать лет своей жизни Вера Лотар-Шевченко жила в Академгородке под Новосибирском.

* * *

Она не просто восстановится после лагеря как музыкант, но и начнет активную гастрольную деятельность. Москва, Ленинград, Одесса, Омск, Свердловск, Чита, Хабаровск, Красноярск, Львов, Киров, Киев...

Иногда к ней возвращалось французское легкомыслие.

Как-то в предновогодний вечер Вера Августовна прикатила к Данилину в корпункт «Комсомольской правды» на такси (двадцать пять километров от Академгородка) и с порога объявила: «Будем кутить!» «Давайте здесь», — предложил Данилин, понимая, что такое предпраздничная ночь в городе. Но понимание реалий ее никогда не интересовало. «Здесь надо работать, а не кутить», — сказала она о корпункте. И вот они поймали на улице какую-то случайную, но дорогую машину и долго, долго ездили по городу в поисках романтического места. Вдруг — кафе «Волна». «Что значит — «Волна»?» — спросила Лотар-Шевченко. Странно, но при абсолютном знании почти всех европейских языков русский ей не очень давался. Данилин хотел честно признаться, что ничего хуже этого гадюшника в Новосибирске нет, но измотанный водитель закричал радостно: «Это море такое, брызги, вода, фейерверк...» — и высадил их. Грязная забегаловка, синюшные лица, дым коромыслом. Она оглядывается и говорит удивленно: «Здесь нет рояля». «Господи, — подумал Данилин, — хорошо, если посуду моют хотя бы раз в день». Вера Августовна в старенькой каракулевой (той самой!) шубке, которая, впрочем, смотрится на ней, как горностаи. Она всегда умела быть заметной. Вот и пьянчужки в «Волне» вдруг притихли и с какой-то почтительной тревогой на нее посматривают. Женщин в зале вообще мало. А такой они не видели никогда.

Лотар-Шевченко царственно подходит к барной (якобы) стойке, ведет там короткие переговоры и говорит, обращаясь непосредственно к посетителям: «Месье! Есть водка (показывает, высоко поднимая вверх, две бутылки). Нужен рояль!»

От столиков поднимаются два «месье», ни слова не говоря берут бутылки «Посольской» и уходят в ночь. «Навсегда», — думает Данилин, зная местные нравы. И ошибается.

Уже минут через двадцать все прильнули к окнам и видят, как через трамвайные пути те два «месье» катят приличного вида кабинетный рояль. Выменяли на водку у сторожа соседнего Дворца культуры. Не «Стейнвей», конечно, но вполне пригодная «Эстония». И вот в новогоднюю ночь в промышленном районе Новосибирска в кафе «Волна» играют Брамса! И — как!!!

Явилась вся кухня, вышли швейцары, гардеробщики. И все стоя благоговейно слушают музыку. Полтора часа никто не шевельнулся. С ума сойти! Не «Волна», а зал Дворянского собрания.

И провожая их, ручку все Вере Августовне целуют, и машину находят, и трогательно прощаются. «Нет, не знаю я своего города!» — думает Данилин.

Не знаем мы своей страны, своего народа — добавлю я от себя.

* * *

Разговариваю с Натальей Алексеевной Ляпуновой, биологом, генетиком, доктором наук. Ее отец — Алексей Андреевич Ляпунов — знаменитый

математик, из тех, кто вопреки мракобесию отстаивал у нас кибернетику как науку. С Верой Лотар-Шевченко они познакомились в Академгородке.

«Вера Августовна не любила рассказывать о лагере. Но если все-таки вспоминала — только хорошее. Пять лагерей сменила. А все рассказы ее — какие там замечательные люди! Вот в одном лагере начальник был приличный человек. И там сидело много музыкантов, кстати, очень знаменитых. И начальник придумал создать в лагере оркестр. Какие-то струнные они нашли, духовые, даже на гребенке играли. Классику, между прочим. И Вера Августовна для каждого написала партитуру и сама дирижировала. Рояля, конечно, не было. Но на ней весь оркестр держался. Освоила баян, аккордеон. И ее там очень любили. К ней невозможно было плохо относиться — она была беззащитна и вся в музыке. Потом кто-то донес на того начальника лагеря, его убрали. Но Веру Августовну и после него спасали как могли — перевели на какое-то время с лесоповала на кухню. На мытье посуды. «Это было счастьем, — вспоминала она, — руки в теплой воде!»

* * *

На ее концерты в Москве и Петербурге билеты в первый ряд не продавали. Места здесь — всегда! — предназначались для тех, с кем она сидела в сталинских лагерях. Пришел — значит, жив. Пальцы у Веры Августовны до конца жизни были красные, корявые, узловатые, гнутые, изуродованные артритом.

И еще — неправильно сросшиися после того, как их на допросах переломал («не спеша, смакуя каждый удар, рукоятью пистолета») старший следователь, капитан Алтухов.

Фамилию эту она помнила потом всю жизнь и никогда его не простила. Это при ее-то привычке держаться только за хорошее и доброе!

Нет, все правильно: надо уметь прощать и уметь не прощать.

* * *

Так вот: продолжим о людях. Живя в Академгородке, Вера Августовна все выходные проводила в семье Ляпуновых.

«Мама смазывала ей руки облепиховым маслом, — рассказывает Наталья Алексеевна, — папа говорил с ней, к ее счастью, по-французски, а я всегда сопровождала ее на концерты. У папы не было музыкального слуха, но он специально для Веры Августовны купил в наш дом рояль, не «Стейнвей», конечно, но приличный Bekker. И часто она на нем играла. Вообще в быту была человек неприспособленный. Рассказывала мне: «Натусь, я ставлю курицу сварить на кухне и ухожу играть к себе в комнату, играю, играю, пока дым всюю из кухни не пойдет, ну тогда иду и выбрасываю почерневшую кастрюлю с курицей». Зато она научила меня делать сыр камамбер, без которого как француженка жить не могла: «Заворачиваете в полиэтилен плавленный сырок «Дружба», кладете на теплую батарею и забываете. Через три месяца от батареи начинает

идти очень французский запах, сыр покрывается плесенью — вот вам и камамбер...» И смеялась при этом так счастливо, как будто не было пяти лагерей, тринадцати лет на лесоповале... Такая детскость души...»

А потом ей купили новенький «Стейнвей». Говорят, сын Владимира Шевченко — Денис — прислал из Москвы. Но ее не-музыкальные пальцы не успели к нему прикоснуться. 10 декабря 1982 года Вера Августовна Лотар-Шевченко умерла.

В декабре 2006 года в Новосибирске состоялся первый Международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко. Так основатель конкурса Юрий Данилин перевел Веру Августовну с нелегального положения на легальное. И огромное спасибо Фонду Ельцина, который стал учредителем конкурса и очень помогал и помогает.

Многие годы на могиле Лотар-Шевченко стоял обелиск со звездой. Как будто она — родственница Марксу, Энгельсу и Ленину. Ну не было в местной погребальной конторе других надгробий.

Артем Соловейчик, сын Симона Соловейчика и главный редактор газеты «Первое сентября», установил на могиле новое надгробие. На белом мраморе выбиты слова Веры Августовны: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна...»

В сентябре 2007 года лауреаты Международного конкурса пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко играли в Париже. В стенах ее родной школы — зале

Корто. А Вера Августовна смотрела с афиш на родные улицы.

В этом году впервые французская Высшая школа музыки им. Альфреда Корто с радостью объявила о начале официального сотрудничества с Международным конкурсом пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко.

Директор школы Франсуаза Ноэль-Марки сказала, что ценности, которые несет в себе конкурс и ее учебное заведение, совпадают. И главная среди этих ценностей — креативность. Качество — в высшей мере присущее Вере Лотар-Шевченко.

А всего несколько лет назад, когда первые победители конкурса играли в Рахманиновском зале нашей консерватории в память о Вере Лотар-Шевченко, французский посол, помню, плакал. И говорил сквозь слезы, что во Франции ее никто уже не помнит.

* * *

В лагере зэки кухонным ножом вырезали для нее на нарах фортепианную клавиатуру. И она по ночам играла на этом безмолвном инструменте Баха, Бетховена, Шопена. Женщины из барака уверяли потом, что слышали эту беззвучную музыку, просто следя за ее искореженными работой на лесоповале пальцами и лицом.

Я думаю, та клавиатура на лагерных нарах, тот самый необычный музыкальный инструмент XX века — это и был настоящий «Стейнвей».